

18+ Наталья Исаева

Свет в окне

Наталья Исаева

Свет в окне

«Издательские решения»

Исаева Н.

Свет в окне / Н. Исаева — «Издательские решения»,

Стас — музыкант из Москвы. Он работает по ночам, сводит треки, переписывается с другом в Берлине. Обычное сообщение: «Я быстро, через полчаса вернусь». Он не вернулся. Его похитили люди, назвавшиеся наркополицейскими. Его спасло только одно: открытый чат в скайпе и друг, который не дождался ответа. Катя — журналистка из Берлина. Она просто искала истории о людях, которые исчезают и возвращаются. «Свет в окне» — первая книга серии расследований Кати Ветровой.

© Исаева Н.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Четыре утра	6
Глава 1. Чёрная «Вольво»	8
Глава 2. Чат без ответа	11
Глава 3. Ночной дозор	15
Глава 4. В поисках Стаса	17
Глава 5. Варшавское шоссе	20
Глава 6. Больница	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Свет в окне

Наталья Исаева

© Наталья Исаева, 2026

ISBN 978-5-0070-3468-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Четыре утра

Четыре утра было их временем.

Стас любил этот час — когда мир замирал, а время переставало существовать. Когда можно было забыть о том, что за окном есть кто-то ещё. Когда можно было просто быть.

Он любил тишину, которая наступала после полуночи, когда город затихал, а редкие машины проносились по пустым улицам, как тени. Любил тот момент, когда небо становилось прозрачным, почти стеклянным, а воробьи ещё не начинали свою бесконечную утреннюю перебранку. Но больше всего он любил час, когда всё это совпадало. Час, когда можно было сесть за компьютер, открыть программу, начать сводить. Музыка рождалась из тишины — сначала робко, неуверенно, будто пробуя голос, потом всё громче, смелее, заполняя комнату, квартиру, весь дом на Ельнинской улице.

Соседи не жаловались. Или жаловались, но он не слышал. В наушниках играла музыка, и она была громче любых претензий.

На столе стояла чашка с остывшим кофе. На подоконнике — фиалка, которую подарила бабушка много лет назад. Она выросла, разрослась, заняла полподоконника, но Стас не решался её пересадить. Боялся, что не приживётся. Боялся, что засохнет. Боялся, что вместе с ней уйдёт что-то важное, то, что связывало его с домом, с детством, с теми временами, когда мир был простым и понятным.

Он жил один. Ему это нравилось. Или он убедил себя, что нравилось. Три комнаты в старом доме на Ельнинской, высокие потолки, скрипучий пол, окна во двор. Соседи — тихие, незаметные, каждый со своей жизнью, со своими тайнами. Стас знал их только по голосам: женщина, которая выгуливала таксу в шесть утра, старик, который слушал радио на весь подъезд, студенты, которые иногда шумели по выходным. Он не стремился узнать их ближе. Ему хватало музыки. Ему хватало тишины.

Работа звукооператором в маленькой студии на окраине приносила достаточно, чтобы платить за квартиру, покупать продукты и иногда обновлять оборудование. Работа была негромкой, почти незаметной, но Стас любил её. Любил сидеть за пультом, слушать чужие голоса, чужие песни, делать их чище, прозрачнее, лучше. Он был невидимкой, который помогал другим звучать. И его это устраивало.

В тот вечер он сидел за ноутбуком, сводил новый трек — электроника с живыми барабанами, которую они с Антоном начали писать месяц назад. Антон жил в Берлине. Они познакомились на музыкальном фестивале три года назад, обменялись контактами и с тех пор почти не расставались. В сети. Они переписывались каждый день, делились новыми треками, спорили о звуке, иногда ругались, но всегда мирились. Стас больше не видел Антона вживую. Но знал о нём больше, чем о многих, кто жил рядом.

В скайпе мигал чат.

Anton_Berlin: Слушай, я тут набросал бит для припева. Скинь вокал, попробуем склеить. Как тебе вообще идея?

Stas_N: Ок, сейчас. Только тут менты приехали какие-то. Наркоконтроль. Просят выйти поговорить. Я быстро, через полчаса вернусь, скину.

Anton_Berlin: В смысле наркоконтроль? Ты чё, куришь что ли?

Stas_N: Не, я вообще мимо. Наверное, по работе. Там друг мой впутал кого-то, я не вникал. Короче, ща выйду, разберусь.

Anton_Berlin: Осторожнее там. Наши менты — они как танки, если переедут, даже не заметят.

Stas_N: Хаха, норм. Я в форме, в смысле они в форме. Увидимся.

Стас откинул наушники, встал из-за стола. Надел куртку, сунул телефон в карман. На секунду задержался перед зеркалом в прихожей — лохматый, небритый, в старой футболке. Нормально. Не для протокола же одеваться.

Свет он оставлять не стал — просто вышел.

Лампочка в комнате горела, монитор светился, на экране мигал открытый чат с Антоном. Незакрывающаяся программа с несохранённым треком ждала своего часа.

Стас хлопнул дверью.

Глава 1. Чёрная «Вольво»

На улице моросил дождь. Мелкий, противный, тот, что пробирается под воротник и заставляет зябко ёжиться даже в середине лета. Такой дождь не приносит облегчения, не смывает пыль с листьев, не оставляет после себя радугу. Он просто есть, висит в воздухе серой пеленой, заставляет прохожих опускать головы и ускорять шаг, прятаться в подъезды, в кафе, в метро. Стас не любил такой дождь. Он любил ливни — сильные, шумные, после которых небо становится чистым, а воздух — прозрачным, как хрусталь. Но этот дождь был не ливень. Он был предчувствием.

Стас вышел из подъезда, огляделся. Чёрная «Вольво» стояла прямо у входа, перекрывая выезд со двора. Номерных знаков не было. На аварийке. Водитель сидел за рулём, не выключая двигателя, и выхлопные газы стелились по мокрому асфальту белесым туманом. В свете фонаря этот туман казался живым — он клубился, поднимался, оседал, будто дышал.

Он подошёл, пригнулся, заглянул в салон. За рулём сидел парень его возраста — чисто выбритый, в тёмной куртке, с каким-то неуловимым отпечатком «начальника» на лице. Не то чтобы он выглядел старше или важнее. Просто в нём было что-то, что заставляло подчиняться. Может быть, уверенность. Может быть, привычка командовать. Рядом с ним, на заднем сиденье, сидели ещё двое. Обычные лица. Ничего особенного. Стас не почувствовал опасности. Не почувствовал, что через несколько минут его жизнь перестанет быть прежней. Смотрел на них и видел только усталых людей в недорогой одежде. Один из них зевнул, прикрывая рот ладонью. Другой смотрел в окно на тёмный двор, будто ждал кого-то.

Он всегда думал, что опасность можно почувствовать. Что есть какой-то внутренний сигнал, который срабатывает, когда что-то идёт не так. Предчувствие, интуиция, шестое чувство — называй как хочешь. Он верил, что оно есть у всех, просто не все умеют его слушать. Его бабушка, царство ей небесное, рассказывала, как перед войной все женщины в деревне чувствовали беду. Кто-то плакал без причины, кто-то не мог спать, кто-то вдруг начинал молиться на пустом месте. «Бог предупреждает», — говорила она. Стас тогда не верил. Теперь он ждал этого предупреждения, этого внутреннего толчка, который скажет: «Беги». Но сейчас этот сигнал не сработал. Или он его не услышал. Может быть, потому, что эти люди были из ФСКН. У них была форма. У них были документы. В конце концов, они просто хотели поговорить. Он же не преступник. Ему нечего бояться.

— Неброев Станислав? — спросил водитель. Голос был низкий, спокойный, без тени сомнения или неуверенности. Он даже не обернулся, смотрел прямо перед собой, на мокрое стекло, по которому стекали капли дождя.

— Да.

— Садись назад. Поговорим.

— А в чём дело вообще? — Стас не двинулся с места. Он не был трусом, но и глупцом не был. Садиться в чужую машину посреди ночи к незнакомым людям — не лучшая идея. Даже если они из ФСКН. Он слышал истории. Слишком много историй. О людях, которые садились в чужие машины и не возвращались.

— Садись, говорю. Не здесь.

Тон был спокойный, даже усталый. Таким тоном говорят люди, которые привыкли, что им подчиняются. Врачи, учителя, полицейские. Люди, которые каждый день объясняют другим, что делать, и не ждут возражений. Он подумал, что если что-то пойдёт не так, он сможет сообщить в полицию. Но в полицию он не собирался звонить. Он собирался через полчаса вернуться домой, закрыть чат, сохранить трек и лечь спать. Завтра нужно было рано вставать, ехать в студию, заканчивать сведение.

Он открыл заднюю дверь и сел.

Машина была чистой, пахло кожей и дешёвым освежителем воздуха — хвоя, что-то приторное, что сразу бросилось в нос. Этот запах был таким сильным, что перебивал даже запах кожи и табака, которым тянуло от парня слева. Стас сел, захлопнул дверь. Звук был глухим, плотным, будто машина проглотила его. Сиденье было тёплым, будто кто-то сидел здесь до него. Или будто машина только что приехала.

— Пристегнись, — сказал водитель, даже не обернувшись.

Стас пристегнулся. Ремень безопасности щёлкнул, и в этом звуке было что-то окончательное. Машина тронулась. Двор поплыл назад, фонари замелькали за окном, капли дождя на стекле превратились в размытые полосы света и тьмы.

Они выехали со двора, повернули налево, потом направо, потом снова налево. Стас пытался запомнить маршрут, но быстро сбился. Он не очень хорошо знал этот район. Жил здесь недавно, всего несколько месяцев, переехал из центра, потому что здесь было тише и дешевле. Теперь он жалел, что не остался в центре. Там хотя бы фонари горят ярче, люди на улицах не исчезают в темноте.

— Вы из ФСКН? — спросил Стас, когда «Вольво» вырулила на набережную. Река была тёмной, маслянистой, в ней отражались огни. Они дрожали на воде, расплывались, смешивались в одно светящееся пятно.

— Ага, — кивнул водитель, не отрывая глаз от дороги. Руки его лежали на руле спокойно, уверенно.

— А почему ночью? Нельзя было завтра?

Водитель не ответил. В салоне было темно, только огни встречных машин выхватывали лица. Стас посмотрел на парней справа и слева от себя. Обычные лица. Усталые. Один зевнул. Другой смотрел в окно, на тёмную воду, и, кажется, дремал. Ничего особенного. Обычные люди. Обычная ночь. Обычная поездка. Он почти успокоился. Почти.

Но что-то было не так. Стас не мог понять, что именно. Может быть, то, что они не смотрели на него. Никто из них не смотрел на него. Водитель смотрел на дорогу, парень справа — в окно, парень слева — в телефон. Никто не обратил на него внимания с того момента, как он сел в машину. Будто его здесь не было. Будто он был вещью. Грузом. Посылкой, которую нужно доставить по адресу. Он вспомнил, как в детстве отвозил с отцом посылки на почту. Такие же серые, безликие, упакованные в коробки. На них клеили адрес, взвешивали, отправляли. Никто не спрашивал коробку, хочет ли она ехать.

— Куда мы едем? — спросил Стас.

— На разговор. Не дёргайся.

Стас замолчал. Он думал о том, что трек так и не сохранён, а Антон, наверное, уже пишет в чате: «Ты где?» Думал о том, что завтра нужно заехать в студию, закончить сведение, отдать готовый трек заказчику. Думал о том, что никогда не любил ездить в незнакомых машинах с незнакомыми людьми. Но эти люди были из ФСКН. У них была форма. У них были документы. В конце концов, они просто хотели поговорить. Он же не преступник. Ему нечего бояться. Он повторял это себе как мантру, но слова уже не работали.

Машина выехала на трассу. Огни города остались позади, теперь вокруг была только темнота и редкие фары встречных машин. Стас смотрел в окно на тёмные поля, на силуэты деревьев, которые проносились мимо, и чувствовал, как внутри нарастает странное, щемящее чувство. Не страх. Нет, страха не было. Было что-то другое. Понимание. Оно пришло не сразу, не как удар, а как медленное осознание, которое росло, заполняло его, пока не стало невозможно его игнорировать. Он вдруг понял, что эти люди — не из ФСКН. Он не знал, откуда это знание пришло. Может быть, из того, как водитель отвечал на вопросы. Слишком коротко. Слишком уверенно. Слишком механически. Будто он заучил эти слова, но не знал, что за ними стоит. Может быть, из того, что они не спросили его документы. Сотрудники ФСКН всегда проверяют документы. Всегда. Это первое, что они делают. А эти даже не поинтересовались.

— Вы из ФСКН? — спросил Стас ещё раз, надеясь, что водитель скажет что-то, что развеет его сомнения. Скажет, что они едут в управление, что там его ждёт следователь, что всё это какая-то ошибка, которую сейчас исправят. Скажет что угодно, только не это молчание.

— Ага.

— Покажите удостоверение.

Водитель не ответил. Не обернулся. Не достал из кармана никаких документов. Он просто продолжал смотреть на дорогу, будто не слышал вопроса. Парень справа перестал смотреть в окно. Парень слева отложил телефон. Они смотрели на Стаса. Впервые за всю поездку они смотрели на него. В их взглядах не было злобы, не было угрозы. Было что-то другое. Безразличие. Они смотрели на него так, как смотрят на вещь, которая больше не нужна.

И Стас понял. Понял всё. Понял, что эти люди не из ФСКН. Что у них нет документов. Что у них нет формы. Что у них нет ничего, кроме чёрной «Вольво» и уверенности в том, что они могут делать с ним всё, что захотят. Понял, что его жизнь перестанет быть прежней через несколько секунд. Или через несколько минут. Или через несколько часов. Он не знал. Знал только, что обратной дороги нет. Что та жизнь, которая была у него до этого вечера — музыка, Антон, студия, тётя Нина с её пирожками, фиалка на подоконнике, — всё это осталось там, в городе, который медленно исчезал за спиной.

Он потянулся к ручке двери.

— Не дёргайся, — сказал водитель. Голос его был таким же спокойным, как и в начале разговора. Но теперь в этом спокойствии было что-то другое. Угроза. Обещание боли. Стас замер. Ручка двери была так близко, но он не мог до неё дотянуться. Не потому, что она была далеко. Потому что рука не слушалась.

— Зачем? — спросил он. Голос его был тихим, почти беззвучным. Он не ждал ответа. Знал, что не получит.

Водитель не ответил. Машина съехала с трассы на грунтовую дорогу. Колёса зашуршали по гравию, фары выхватили из темноты деревья — высокие, чёрные, мокрые от дождя. Стас смотрел в окно на эти деревья, на темноту, которая становилась всё плотнее, и думал о том, что, наверное, это конец. Что он не вернётся домой. Не допишет трек. Не увидит Антона. Не сыграет свой концерт. Не увидит, как цветёт фиалка на подоконнике. Не попробует пирожки тёти Нины. Не услышит, как Антон говорит: «Слушай, я тут набросал бит». Не сможет ответить: «Скидывай».

Он закрыл глаза. В голове заиграла музыка. Та самая, которую они не дописали. «Пол-часа». Она звучала чисто, ясно, будто он уже записал её, будто она уже была готова. Он слушал эту музыку, и ему казалось, что если она играет, значит, он ещё жив.

Машина остановилась. Заглох двигатель. Стало тихо. Так тихо, что он слышал, как бьётся его сердце. Капли дождя барабанили по крыше, ветер шумел в ветвях, но это была не тишина. Это было ожидание.

Он не знал, что у этих людей не было ничего. Ни формы, ни документов, ни права останавливать его на ночной улице. Ни права сажать в машину. Ни права везти в лес. Ни права делать с ним то, что они собирались сделать. Он не знал, что его жизнь перестанет быть прежней через несколько секунд. Не знал, что всё, что было до этого вечера, осталось там, в городе, который он, возможно, никогда больше не увидит. Не знал, что Антон уже пишет в чате: «Ты где?» И что ответа не будет. Не знал, что тётя Нина уже смотрит в окно, пьёт чай и запоминает чёрную машину без номеров. Не знал, что через несколько часов патруль на Варшавском шоссе остановит эту машину. Не знал, что он выживет. Не знал, что через год будет стоять на сцене и петь о свете, который всегда горит в окне.

Он не знал ничего. Только слышал, как открывается дверца машины. И как чья-то рука опускается на его плечо.

Глава 2. Чат без ответа

Антон смотрел на часы. 23:47. Прошло почти сорок минут.

Он сидел в своей маленькой квартире на Нойкёльне, пил чай и смотрел на тёмный экран. Чай давно остыл, стал горьким, противным, но он не замечал вкуса. Он вообще ничего не замечал вокруг. Не замечал, как за окном Берлин жил своей жизнью — где-то гуляли, где-то ссорились, где-то целовались. Где-то играла музыка, где-то гремела посуда, где-то плакал ребёнок. Обычный вечер в большом городе, где каждый занят своим делом, каждый живёт своей жизнью, и никто не знает, что в Москве, на Ельнинской, человек, которого он считал другом, только что сел в чужую машину и исчез.

Антон смотрел на экран, на последнее сообщение Стаса, которое висело перед глазами уже целую вечность: «Ок, сейчас. Только тут менты приехали какие-то. Наркоконтроль. Попросят выйти поговорить. Я быстро, через полчаса вернусь, скину». Он перечитал эти слова в десятый раз. Или в двадцатый. Он уже сбился со счёта. Всматривался в каждую букву, пытаясь уловить что-то, что мог пропустить раньше. Какой-то намёк, какой-то знак, что что-то не так. Но там было только обычное сообщение. Обычный Стас. Обычный вечер.

А он сидел и ждал. Ждал сообщения от человека, который обещал вернуться через полчаса. Тридцать минут. Это время, за которое можно выпить чашку чая, принять душ, прочесть несколько страниц книги. Тридцать минут. Стас обещал вернуться через тридцать минут. Прошло уже почти сорок.

Anton_Berlin: Стас? Ты там как?

Ничего. Курсор мигал, экран был пуст.

Anton_Berlin: Ты вышел уже?

Ничего.

Он набрал по скайпу — гудки, длинные, бесконечные. Он слушал их, надеясь, что вот-вот кто-то ответит, что вот-вот раздастся знакомый голос, скажет: «Да, я здесь, извини, задержался, сейчас всё расскажу». Но гудки шли, шли, шли, а потом смолкли, и механический голос произнёс: «Абонент не отвечает». Потом попробовал на мобильный — «абонент недоступен».

Антон откинулся на спинку кресла. Кресло было старым, продавленным, он купил его на барахолке, когда только приехал в Берлин. Оно скрипело при каждом движении, но Антон любил его — оно напоминало ему о первых днях, когда всё было новым, страшным, интересным. Когда он не знал, что его ждёт, и строил планы на будущее, не зная, что в этом будущем есть человек, который станет ему ближе, чем кто-либо. Сейчас кресло скрипнуло, и в этом звуке было что-то тревожное, будто сам дом предупреждал его.

Странно. Стас никогда так не делал. Они могли замолкать на день-два, если работали над разными проектами, но если договаривались созвониться или скинуть файлы — Стас всегда выходил на связь. Всегда. Даже когда был занят, даже когда уставал, даже когда не хотелось ни с кем разговаривать. Он писал: «Всё ок, завтра», или: «Я жив, не волнуйся», или просто ставил смайлик. Чтобы Антон знал, что он есть. Что он рядом. Что с ним всё в порядке.

А теперь — тишина. Сообщение прочитано, но ответа нет. Телефон молчит. Скайп молчит. Всё молчит. Даже часы на стене, казалось, замерли, не желая отсчитывать время дальше. Антон посмотрел на них — 23:51. Они шли. Время шло. А Стаса всё не было.

Он открыл ВКонтакте, зашёл на страницу Стаса. Последний вход — час назад. Никаких новых постов, никаких комментариев. Всё как обычно. Фотографии, музыка, редкие репосты. Страница человека, который живёт своей жизнью, не выставляя её напоказ. Антон прокрутил ленту вниз, потом вверх, потом снова вниз. Он уже сотни раз видел эти фотографии, эти посты, эти комментарии. Но сейчас он смотрел на них так, будто искал что-то, чего раньше не замечал.

Какое-то сообщение, какую-то запись, которая объяснила бы, что происходит. Но ничего не было. Только обычная жизнь. Обычный Стас.

Он открыл список друзей. Кого-то знал в лицо, кого-то нет. Вот Илья — они вместе тусили на фестивале, Илья фоткал тогда, ещё живёт в Москве, кажется. Антон помнил его — весёлый, громкий, с огромным фотоаппаратом, который он таскал везде. Они обменялись контактами, но почти не переписывались. Зачем? У них были общие друзья, общие знакомые, но не было общей жизни. Сейчас у них была общая тревога.

Anton_Berlin (сообщение Илье): Привет! Извини, что поздно. Ты не знаешь, Стас дома? Он вышел к каким-то ментам часа полтора назад и пропал. Я волнуюсь.

Отправил. И замер. Смотрел на экран, на сообщение, которое ушло в никуда. Ждал. Минута. Две. Пять. В комнате было тихо, только холодильник гудел где-то на кухне да редкие машины проезжали за окном. Антон слышал, как бьётся его сердце. Каждый удар отдавался в висках, в пальцах, в каждой клетке тела.

Илья ответил через пять минут. Пять минут, которые показались вечностью.

Илья: В смысле к ментам?

Anton_Berlin: Написал, что наркоконтроль приехал, он вышел поговорить. И пропал.

Илья: Я рядом живу. Ща схожу гляну.

Антон выдохнул. Хоть кто-то. Хоть что-то. Он смотрел на экран, на часы, на Берлин за окном, который жил своей жизнью. Где-то играла музыка, где-то смеялись, где-то ссорились. А он сидел и ждал. Ждал, когда Илья дойдёт до дома Стаса. Когда поднимется на четвёртый этаж. Когда постучит в дверь. Когда откроет — или не откроет. Он представил, как Илья идёт по ночной Москве. Как подходит к знакомому подъезду. Как нажимает кнопку домофона. Как ждёт. Как никто не отвечает.

Антон закрыл глаза. В голове была пустота. И в этой пустоте билась одна мысль: «Только бы ты был жив. Только бы ты был жив». Он повторял эти слова как молитву, хотя никогда не был верующим. Сейчас он был готов поверить во что угодно, только бы Стас оказался жив.

Он открыл глаза. Посмотрел на часы. 00:15. Прошло больше часа.

На экране мигнуло сообщение.

Илья: Вскрыли. Его нет. Компьютер работает, чат открыт. Я вызвал полицию.

Антон смотрел на эти слова и не мог их понять. Вскрыли. Его нет. Компьютер работает. Чат открыт. Чат открыт. Стас вышел, не закрыв чат. Стас, который всегда закрывал все программы, прежде чем выйти из дома. Стас, который говорил: «Нельзя оставлять незаконченную работу. Она будет ждать, пока ты вернёшься». Он оставил. Он не закрыл. Он не вернулся.

Anton_Berlin: Что значит — его нет?

Илья: Его нет дома. Квартира пустая. Свет горел, компьютер работал, а его нет.

Anton_Berlin: А чат? Что в чате?

Илья: Всё, что вы писали. Последнее сообщение — он вышел к ментам.

Антон смотрел на экран. На слова, которые складывались в страшную картину. Стас вышел из дома. Не закрыл чат. Исчез. Чёрная «Вольво» без номеров. Люди, назвавшиеся наркополицейскими. И тишина. Он попытался представить, что могло случиться. Наркоконтроль. Зачем наркоконтролю забирать Стаса? Стас не употреблял, не торговал, даже не знал никого, кто мог бы быть связан с наркотиками. Это была ошибка. Должна была быть ошибкой.

— Давай, Стас, — прошептал Антон. — Держись.

Он сжал кружку с остывшим чаем. Чай был давно холодным, горьким, противным. Но он сделал глоток. Нужно было чем-то занять руки. Нужно было чем-то занять мысли. Он встал, прошёл на кухню, вылил чай в раковину. Поставил чайник. Ждал, пока закипит вода. Смотрел на пузырьки, которые поднимались со дна, лопались на поверхности, исчезали. Ему казалось, что время тоже лопается и исчезает, унося с собой надежду.

Он открыл карту Москвы. Нашёл Ельнинскую. Посмотрел на улицы, которые вели оттуда. На шоссе, на трассы, на дороги, которые уходили в никуда. Он не знал, куда они могли поехать. Не знал, что делать. Не знал, как помочь. Он мог только сидеть здесь, в Берлине, пить остывший чай и ждать.

Илья: Полиция приехала. Составляют ориентировку. Чёрная «Вольво», без номеров, четверо мужчин. Я дал им номер твоего телефона, если что — позвонят.

Anton_Berlin: Спасибо.

Илья: Не за что. Мы найдём его.

Антон хотел ответить, но не мог. Слова застряли в горле. Он смотрел на экран, на часы, на Берлин за окном. Где-то там, за тысячи километров, люди искали его друга. А он сидел здесь и ничего не мог сделать. Ничего, кроме одного. Он открыл сайт авиакомпании, начал искать билеты. Завтра, первым рейсом. Берлин — Москва. Он купил билет, даже не глядя на цену.

Он закрыл глаза. Представил Стаса. Его улыбку. Его голос. Его музыку. Представил, как они вместе пишут треки, как спорят о звуке, как смеются над глупыми шутками. Представил, как Стас выходит из дома, садится в чужую машину, исчезает. Представил, как его избивают. Как он лежит на заднем сиденье, смотрит в темноту, думает о том, что, наверное, это конец. А Антон не может ничего сделать. Только ждать.

— Держись, — прошептал он снова. — Ты сильный. Ты справишься.

Телефон мигнул.

Илья: Патрули на выездах предупреждены. Если они поехали за город — их поймают.

Антон открыл глаза. Посмотрел на часы. 01:30. Прошло два с половиной часа. Два с половиной часа с тех пор, как Стас вышел из дома. Два с половиной часа неизвестности. Два с половиной часа, которые растянулись в вечность.

Он встал, прошёл на кухню, поставил чайник. Пока вода грелась, смотрел в окно. Берлин спал. Только редкие машины проезжали по пустым улицам. Где-то горел свет в окнах. Кто-то тоже не спал. Кто-то тоже ждал. Кто-то тоже верил, что утро принесёт новости. Хорошие новости. Должны быть хорошие новости.

Чайник закипел. Антон заварил свежий чай. Сел на кухне, поставил кружку перед собой. Не пил. Смотрел на пар, который поднимался над чашкой, и думал о том, что где-то там, в Москве, его друг, наверное, тоже не спит. Только не дома, не в своей постели, не за компьютером. В чужой машине, в чужой темноте, в чужой беде.

Телефон мигнул.

Илья: Ориентировку разослали. Ждём.

Антон не ответил. Не мог. Он смотрел на экран, на эти короткие слова, и чувствовал, как внутри нарастает что-то тяжёлое, чёрное, что не даёт дышать. Он встал, подошёл к окну, открыл его. Ночной воздух ворвался в комнату, холодный, влажный, пахнувший дождём. Он вдохнул полной грудью. Потом ещё. Потом ещё. Воздух обжигал лёгкие, но вместе с ним приходила надежда. Маленькая, слабая, но она была.

— Ты вернёшься, — сказал он в темноту. — Ты обязательно вернёшься.

Где-то в Москве, на Ельнинской, светились окна. Кто-то ждал. Кто-то не спал. Кто-то смотрел в темноту и верил. Тётя Нина, наверное, сидит у окна, пьёт чай, смотрит на пустой двор. Илья, наверное, ждёт новостей от полиции. А Стас... Стас где-то там, в темноте, борется за жизнь. Антон чувствовал это. Знал. Не мог объяснить, откуда, но знал.

Антон закрыл окно. Вернулся к компьютеру. Открыл чат. Написал:

Anton_Berlin: Стас, я не сплю. Я буду ждать.

Сообщение повисло в пустоте. Не прочитано. Не отвечено. Антон смотрел на него долго, будто надеялся, что буквы начнут двигаться, что курсор мигнёт, что появится ответ. Но экран был пуст. Только его собственные слова, ушедшие в никуда.

Он убрал телефон, выключил свет, лёг на диван. Не спал. Смотрел в потолок. Слушал, как бьётся сердце. Считал минуты. Ждал. Потолок был белым, чистым, без трещин. Антон смотрел на него и думал о том, что в Москве, в больничной палате, наверное, есть потолок с трещинами. И Стас, если он выживет, будет смотреть на эти трещины и считать их. Считать, чтобы не думать о боли. Чтобы не сойти с ума.

Через час телефон зазвонил.

Номер был незнакомый, московский. Антон схватил трубку раньше, чем успел подумать. Сердце колотилось, руки дрожали.

— Алло?

— Это Кузьмин, лейтенант ДПС. Вашего друга нашли. Он жив.

Антон закрыл глаза. По щеке скатилась слеза. Он не помнил, когда в последний раз плакал. Наверное, когда-то в детстве. Но сейчас слёзы текли сами, и он не мог их остановить.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо.

Он не помнил, как закончился разговор. Не помнил, как положил трубку, как сел на диван, как смотрел в одну точку. Помнил только одну мысль: «Он жив. Он жив. Он жив». Мысль была такой сильной, такой яркой, что затмевала всё остальное.

Он открыл ноутбук. Нашёл билеты. Завтра, первым рейсом, Берлин — Москва. Билет был дорогим, но Антон даже не посмотрел на цену. Он купил его, закрыл сайт, открыл чат. Написал:

Anton_Berlin: Стас, я лечу. Я буду рядом.

Сообщение повисло в пустоте. Но теперь он знал: Стас прочтает. Когда-нибудь. Потом. Когда всё закончится. Когда он выйдет из больницы. Когда сможет снова писать музыку. Когда снова будет играть в четыре утра. Когда жизнь вернётся в свою колею.

Он закрыл ноутбук. Лёг на диван. Закрыл глаза. За окном светало. Берлин просыпался. Где-то пели птицы, где-то загудели первые машины, где-то открывались кафе. Обычное утро в большом городе. Только Антон знал: это утро особенное. Это утро, когда его друг вернулся. Когда жизнь победила. Когда надежда оказалась сильнее страха.

Он улыбнулся. И уснул. Впервые за эту долгую, страшную ночь.

Глава 3. Ночной дозор

Илья вышел из дома без пяти двенадцать.

Он жил в соседнем квартале, до Ельнинской — десять минут пешком. Он знал этот путь наизусть — мимо круглосуточного магазина, где они со Стасом иногда покупали пиво, мимо старого тополя, под которым любили сидеть летом, мимо детской площадки, где по вечерам собирались подростки. Ночь была тёплая, июньская, пахло листвой и выхлопными газами. Где-то лаяла собака. Где-то играла музыка. Обычная ночь в большом городе, когда кажется, что всё спокойно, всё хорошо, всё идёт своим чередом.

Илья шёл быстро, почти бежал. В голове крутились слова Антона: «Он вышел к каким-то ментам и пропал». Что значит — пропал? Как можно пропасть в Москве, в двадцать первом веке, когда везде камеры, везде люди, везде телефоны? Илья пытался дозвониться Стасу сам — абонент недоступен. Пытался написать в соцсетях — сообщение не прочитано. Что-то было не так. Что-то было очень не так.

Окна Стаса светились. Илья подошёл к подъезду, набрал код домофона. Тишина. Набрал ещё раз — никто не отвечал. Он прижался к двери, прислушался. В подъезде было тихо, только где-то на верхних этажах работал телевизор, да за закрытыми дверями слышались приглушённые голоса. Обычный подъезд. Обычная ночь.

— Вам кого?

Илья обернулся. На лавочке у подъезда сидела пожилая женщина в халате поверх ночнушки, с кружкой в руках. Тётя Нина. Илья знал её шапочно — соседка с третьего этажа, которая никогда не спала по ночам. Говорили, что она не спит с тех пор, как умер муж. Сидит у окна, пьёт чай, смотрит на двор. Знает всех, кто приходит и уходит.

— Здравсьте. А вы не видели Стаса из сорок второй?

— Видела, милоч, — женщина отхлебнула чай. — Садился он в машину. Часов в одиннадцать, наверное. Я как раз чай наливала, в окно гляжу — он идёт, а за ним машина чёрная подъехала.

— Какая машина?

— «Вольво» вроде. Я в них не разбираюсь. Чёрная, тонированная. Двое с ним сели, а может, трое. Я уж и не разглядела.

— А он сам? Нормально сажился?

— А что ему сделается? Своими ногами пошёл. Думал, по делам. А вы чего ищите его?

— Друг его из Берлина звонил. Говорит, пропал. Не отвечает.

Тётя Нина помолчала, сжала кружку в руках.

— Я машину запомнила, — сказала она. — Чёрная, номера московские. Только вот... — она замаялась. — Номеров-то и не было.

— Как не было?

— А так. Спереди номер есть, а сзади — нет. Я специально посмотрела. Странно, думаю. Зачем номера снимать, если ты по делу?

Илья постоял, посмотрел на тёмный подъезд, на светящиеся окна. Потом достал телефон.

— Участковый у вас здесь какой?

— Капитан Сазонов. А ты чего, мент?

— Нет. Но, кажется, надо вызывать.

Он набрал номер. Гудки были длинными, тягучими.

— Слушаю, — раздался в трубке сонный голос.

— Здравствуйте, это Илья, сосед Стаса с Ельнинской. Его друг из Берлина звонит, говорит, что Стас вышел к каким-то ментам и пропал. Тётя Нина с третьего этажа видела, как он садился в чёрную «Вольво» без номеров. Я у подъезда, в квартиру не попасть.

В трубке повисла тишина.

— Вы там? — спросил Илья.

— Здесь я, — голос участкового стал другим, более внимательным. — Чёрная «Вольво» без номеров, говорите?

— Да.

— А вы уверены, что он пропал? Может, просто задержался?

— Он обещал вернуться через полчаса. Прошло уже два часа. Телефон не отвечает.

— Ладно. Я сейчас подъеду.

Илья убрал телефон. Посмотрел на тётю Нину.

— Спасибо, — сказал он. — Что запомнили.

— Я всегда запоминаю, — ответила она. — Машины, лица, номера. Когда мужа не стало, я думала, что сойду с ума. Сидела у окна, смотрела в никуда. А потом поняла: если смотреть, то можно увидеть. Если запоминать, то можно помочь.

Она отхлебнула чай.

— Я чай пью, смотрю. Каждую ночь. И запоминаю. Чтобы никто не пропал.

Глава 4. В поисках Стаса

Участковый приехал через полчаса.

Капитан Сазонов за годы службы видел всякое — пьяные драки, кражи, разборки. Но чтобы ночью вскрывать квартиру из-за того, что парень в Берлине забеспокоился, — такого ещё не было. Он подошёл к подъезду, поздоровался с Ильёй, кивнул тёте Нине.

— Ну и где этот ваш друг?

— В Берлине, — ответил Илья.

— В скайпе, — добавила тётя Нина.

— В скайпе, — хмыкнул Сазонов. — Ладно. Давайте стучать.

Они поднялись на четвёртый этаж. Дверь сорок второй была обычная, железная, обитая дерматином. Сазонов постучал — сначала тихо, потом громче. Никто не открыл.

— Слышите? — сказал Илья.

— Что?

— Компьютер гудит. Из-за двери слышно.

Сазонов прислушался. Действительно, за дверью был слышен ровный шум работающего вентилятора и едва различимый ритм — то ли музыка, то ли звуки системы.

— Соседи есть? — спросил он.

— Я снизу, — раздался голос. Тётя Нина стояла на лестничной площадке этажом ниже, задрал голову. — А чего случилось-то?

— Нужно открыть дверь. Может, у вас есть ключи.

Тётя Нина вздохнула, поправила халат.

— Да, Стас оставил мне запасные ключи, — сказала она и пошла за ключами.

Пока ждали, капитан расспрашивал Илью, записывал приметы, время, номер машины. Илья рассказывал, сбиваясь, повторяясь. В голове была одна мысль: «Где ты, Стас?»

Тётя Нина вернулась с ключами, открыла дверь, и все вошли в квартиру Стаса. Внутри было пусто. Свет горел, компьютер работал, на столе стояла недопитая кружка с остывшим чаем. На мониторе был открыт скайп.

Сазонов подошёл, пошевелил мышкой. Чат с Антоном висел на экране.

Stas_N: Ок, сейчас. Только тут менты приехали какие-то. Наркоконтроль. Просят выйти поговорить. Я быстро, через полчаса вернусь, скину.

Последнее сообщение. 23:02.

Сазонов достал рацию.

— Дежурному. Срочно ориентировку. Пропал человек. Ельнинская, дом такой-то. Уехал на чёрной «Вольво» без номеров с неизвестными, представившимися сотрудниками ФСКН. Время — около одиннадцати вечера. Приметы...

Он говорил, а сам смотрел на монитор, на этот открытый чат, на мигающий курсор, который ждал ответа. Илья стоял рядом, смотрел на экран, на слова, которые Стас написал перед тем, как выйти. «Я быстро, через полчаса вернусь». Не вернулся.

Сазонов прошёл по квартире, осмотрелся. Всё было на своих местах. Ничего не тронuto, не разбито, не перевёрнуто. Будто человек вышел на минуту и забыл вернуться. Он открыл шкаф, посмотрел вещи. Всё было на месте. Паспорт, документы, деньги. Ничего не пропало.

— Странно, — сказал он.

— Что? — спросил Илья.

— Если бы хотели ограбить — забрали бы что-то. Деньги, технику, документы. А тут всё на месте.

— Они не грабители, — сказал Илья.

— А кто?

— Не знаю. Но не грабители.

Сазонов подошёл к окну, посмотрел на двор. Фонари горели, скамейки пустовали, только тётя Нина сидела внизу, на своей лавочке, смотрела вверх, на их окна. Он помахал ей. Она помахала в ответ.

— Она что-то знает, — сказал Сазонов.

— Тётя Нина? — Илья удивился.

— Она запомнила машину. Цвет, марку, время. Это больше, чем знает любой свидетель.

— Она всегда запоминает, — сказал Илья. — Она всё запоминает.

Сазонов снова посмотрел на экран. Чат с Антоном был открыт. Последнее сообщение Стаса: «Я быстро, через полчаса вернусь». Он подумал о том, что этот парень в Берлине, наверное, сейчас смотрит на тот же самый экран. Ждёт. Надеется. Бойтся.

— Найдём, — сказал он. — Обязательно найдём.

В квартире было тихо. Только компьютер гудел, да часы тикали на стене. Сазонов сел за стол, открыл ящик. Там были диски, бумаги, ручки. И маленькая коробка. Он открыл её. Внутри лежали письма. Аккуратные, ровные, на бумаге в клетку. Он прочитал первое.

«Стас, я не прошу прощения. Понимаю, что слова тут не помогут. Просто хочу, чтобы ты знал: я каждый день думаю о том, что сделал. Если бы можно было вернуть время — вернул бы. Но нельзя. Так что просто живи. Ладно?»

Сазонов положил письмо обратно, закрыл коробку. Вздохнул. Дело было не таким простым, как казалось сначала.

Он вышел на лестничную площадку, достал телефон. Набрал номер.

— Алло? — голос был сонным, хриплым.

— Это капитан Сазонов. Вы Антон?

— Да.

— Я из полиции. Вашего друга ищут. Есть новости?

— Нет. — Голос стал другим — напряжённым, внимательным. — Вы что-то нашли?

— Пока нет. Но я хочу, чтобы вы знали: мы делаем всё возможное.

— Он жив? — спросил Антон.

— Не знаю. Но мы его найдём.

— Я лечу. Первым рейсом.

— Хорошо. Я позвоню, когда будут новости.

Он нажал отбой. Посмотрел на часы. 02:15. Внизу, на скамейке, всё ещё сидела тётя Нина. Она не спала. Смотрела на окна, на двор, на тёмное небо. Ждала.

Сазонов спустился вниз, сел рядом с ней.

— Вы чего не спите? — спросил он.

— А вы? — ответила она.

— Работа.

— А я жизнь. — Она отхлебнула чай, посмотрела на него. — Найдёте?

— Найдём.

— Обещаете?

Сазонов помолчал.

— Обещаю.

Тётя Нина кивнула. Встала, поправила халат.

— Пойду, чайник поставлю. Чай остыл.

Она ушла. Сазонов остался один. Смотрел на окна, на свет, который горел в сорок второй. Думал о том, что где-то там, в темноте, человек, которого он никогда не видел, борется за жизнь. А он сидит здесь, на лавочке, и ждёт.

Он не знал, что это случится через два часа. Не знал, что лейтенант Кузьмин уже смотрит на чёрную «Вольво», которая едет по трассе. Не знал, что через несколько минут Стаса найдут.

Не знал, что он выживет. Не знал, что через год будет сидеть на концерте этого парня и слушать его музыку.

Он просто сидел на лавочке, смотрел на свет в окнах и ждал.

Глава 5. Варшавское шоссе

Чёрную «Вольво» остановили в половине четвёртого утра на Варшавском шоссе.

Ночь была тёмной, безлунной. Асфальт блестел после недавнего дождя, и в свете фар он казался зеркальным, чёрным, бесконечным. Варшавское шоссе в это время обычно пустеет — только редкие фуры, только те, кто спешит домой или, наоборот, уезжает из города в надежде успеть до рассвета. Патрульный пост стоял на выезде, между двумя рядами бетонных ограждений, и его огни мигали в такт проходящим машинам.

Экипаж ДПС — лейтенант Кузьмин и сержант Ершов — дежурили с десяти вечера. Уже устали, уже хотели спать, уже мечтали о том, как сдадут смену и уедут домой, к жёнам, к детям, к тёплым постелям. Ориентировку получили два часа назад, но особо не надеялись: Москва большая, машин много, а «Вольво» чёрных — как грязи. Тем более без номеров — кто же будет ездить по городу без номеров? Только те, кому есть что скрывать. А таких, по опыту Кузьмина, было не так много. Или очень много. Он уже не помнил. Слишком долгая смена.

— Кофе будешь? — спросил Ершов, потягиваясь.

— Давай.

Ершов налил из термоса. Кофе был жидкий, тёплый, почти безвкусный. Кузьмин сделал глоток, поморщился, но пить не перестал. Нужно было держать себя в тонусе. Ещё несколько часов, и всё.

Они сидели в машине, слушали радио, иногда перебрасывались словами. Ершов рассказывал о новой модели телефона, которую хочет купить жене. Кузьмин кивал, не слушая. Смотрел на дорогу. На редкие машины, которые проезжали мимо. На темноту, которая сгущалась за постом.

Когда эта машина поравнялась с ними, Кузьмин не сразу понял, что его насторожило. «Вольво», чёрная, номера московские. Всё как у всех. Но что-то было не так. Он пригляделся. Тонировка. Слишком тёмная. Едет аккуратно, даже слишком аккуратно. Не превышает, не виляет, не прижимается к обочине. Будто хочет быть незаметной. Но когда машина старается быть незаметной, она становится заметнее всех.

— Глянь, — сказал он Ершову. — Номера московские. Тонировка. Едет аккуратно, но слишком аккуратно.

— Давай тормознём, — пожал плечами Ершов. — Время есть.

Жезл взлетел вверх. «Вольво» послушно прижалась к обочине, включила аварийку. Всё правильно. Всё по правилам. Кузьмин вышел из машины, поправил фуражку, подошёл к водительской двери. Сердце билось ровно, спокойно. Он не ждал ничего особенного. Рядовая проверка. Рядовой выезд. Рядовое утро.

Стекло опустилось. За рулём сидел молодой человек, чисто выбритый, в тёмной куртке. Усталые глаза. Спокойное лицо. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, ещё один — помоложе, в спортивной шапке, натянутой на уши. На заднем сиденье темно, не разглядеть. Кузьмин посветил фонариком, но тонировка была слишком плотной. Он попытался разглядеть хоть что-то, но стекло отражало свет, превращая салон в чёрную бездну.

— Документы, пожалуйста, — сказал Кузьмин.

— В чём дело, лейтенант? — голос водителя был спокойный, даже чуть надменный. Таким голосом говорят люди, которые знают, что они правы. Или которые хотят, чтобы вы так думали. Кузьмин слышал такой голос сотни раз. Обычно он принадлежал тем, кому действительно есть что скрывать.

— Плановая проверка. Документы.

Водитель полез во внутренний карман. Движения были медленными, будто он не торопился. Слишком не торопился. Кузьмин в это время снова посветил фонариком в салон. На

этот раз он опустил луч ниже, стараясь проникнуть сквозь тонировку. И увидел. На заднем сиденье лежал человек. Скорчившись, лицом вниз. Не двигался. Ноги свисали с сиденья, руки были неестественно вытянуты вдоль тела. Кузьмин не видел лица, но понял: человек не спит. Спящие лежат иначе. Он вдруг вспомнил, как отец лежал в гробу — так же неестественно, так же неподвижно. Эта картина врезалась в память навсегда.

— Выходите из машины, — сказал Кузьмин, и голос его изменился. Стал жёстким, командным. — Все.

— Слушай, лейтенант, ты чего? — водитель попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, нервной. — Мы свои. ФСКН. Работаем. Вон, форма, документы.

Кузьмин не видел никакой формы. И документов тоже не видел. Он видел только тонированные стёкла, чёрную машину и человека, который лежал на заднем сиденье. Он вспомнил ориентировку, которую получили два часа назад. Чёрная «Вольво». Без номеров. Четверо мужчин. Пропавший музыкант. И вдруг всё сложилось в голове. Тонировка, чтобы не видно было салона. Аккуратная езда, чтобы не привлекать внимания. Снятые номера, чтобы не отследили. И человек на заднем сиденье, который не двигался.

— Выходите, я сказал.

Ершов уже стоял с другой стороны, рука на кобуре. Он не знал, что происходит, но чувствовал: что-то не так. Кузьмин редко повышал голос. Если он говорил таким тоном, значит, дело серьёзное. Ершов приготовился.

Задняя дверь открылась. Человек на сиденье зашевелился, приподнял голову. Лицо было в крови, губы разбиты, глаза заплыли, но они открылись. В них был страх. И надежда. Такая сильная, что Кузьмин почувствовал её кожей.

— Помогите, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Они не менты. Они...

Он не договорил. Силы оставили его. Голова упала, руки обмякли. Но он успел сказать главное. Они не менты.

Кузьмин не стал ждать. Он уже вызывал подмогу, называл номер поста, координаты, приметы. Голос его был спокойным, чётким, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Нападение на гражданина, предположительно похищение. На месте находятся четверо подозреваемых, один потерпевший с тяжёлыми травмами. Требуется скорая и подкрепление.

Ершов достал пистолет, направил на водителя.

— Руки на руль! — закричал он. — Быстро! Чтобы я видел руки!

Водитель дёрнулся, но бежать было некуда. Пассажир на переднем сиденье замер, вжался в кресло. Тот, что на заднем, не двигался. Только смотрел на них мутными, заплывшими глазами. Ершов перевёл пистолет на него.

— Не двигаться!

Через минуту подъехала подмога. Ещё одна машина ДПС, потом ещё одна. Сирены выли, мигалки заливали всё вокруг красным и синим светом. Патрульные вытащили водителя, пассажиров, уложили лицом в асфальт. Обыскали. Нашли нож, скотч, верёвку. И документы. Не удостоверения ФСКН — обычные паспорта, водительские права, кредитные карты. Имена, адреса, фотографии. Обычные люди. Не менты.

Кузьмин подошёл к «Вольво», открыл заднюю дверь. Человек на сиденье не двигался. Он был в сознании, но едва. Лицо разбито, рёбра, наверное, сломаны. Кузьмин осторожно приподнял его голову. Парень был молодой, лет двадцать восемь, не больше. Избит так, что мать родная не узнает. На футболке — тёмные пятна крови, на руках — ссадины, на шее — следы пальцев.

— Скорая едет, — сказал он. — Держитесь.

Человек открыл глаза. В них было что-то, чего Кузьмин не видел раньше. Благодарность. Облегчение. Жизнь. Он смотрел на Кузьмина и не мог вымолвить ни слова. Только губы шевелились, будто он пытался что-то сказать, но не хватало сил.

— Спасибо, — прошептал он наконец. Голос был чужим, хриплым, будто не его.

— Не за что, — ответил Кузьмин. — Мы свою работу делаем.

Он не знал, что этот человек — музыкант. Не знал, что его зовут Стас. Не знал, что в Берлине его друг не спал всю ночь, ждал новостей, уже купил билет на самолёт. Не знал, что на Ельнинской, в маленькой квартире, всё ещё горит свет, а тётя Нина пьёт чай и смотрит в окно, надеясь увидеть знакомую фигуру. Он знал только одно: этот человек жив. И он спас его.

Скорая приехала через пять минут. Врачи осмотрели Стаса, переложили на носилки, увезли. Кузьмин смотрел вслед, потом повернулся к задержанным. Они лежали на асфальте, руки за спиной, лица вниз. Обычные лица. Обычные люди. Которые хотели убить.

— Увозите, — сказал Кузьмин. — Всё.

Ершов подошёл, хлопнул его по плечу.

— Молодец, командир. Увидел.

— Увидел, — кивнул Кузьмин. — Повезло.

— Не повезло. Сработал как надо.

Они сели в машину. Кофе давно остыл. Кузьмин сделал глоток, не поморщился. Смотрел на дорогу, на рассвет, который начинал заниматься над городом. Небо на востоке розовело, облака тянулись к горизонту, первые лучи солнца пробивались сквозь тучи. Обычное утро в большом городе. Только сегодня оно было особенным.

— Знаешь, — сказал он Ершову, — а ведь он мог не доехать.

— Не доехал бы.

— А мы могли не остановить.

— Могли.

— Но остановили.

— Остановили.

Кузьмин улыбнулся. Посмотрел на часы. 4:47. Скоро смена закончится. Скоро можно будет ехать домой. К жене, к детям, к тёплой постели. Но он знал, что сегодня не уснёт сразу. Будет лежать с открытыми глазами, смотреть в потолок, думать о том парне, который лежал на заднем сиденье чужой машины. Думать о том, как вовремя он посветил фонариком в салон. Как вовремя сказал: «Выходите». Как вовремя вызвал подмогу.

— Поехали, — сказал он Ершову. — День начинается.

Они развернулись и поехали в сторону города. За спиной оставался пост, Варшавское шоссе, ночь, которая наконец закончилась. Впереди был рассвет. Новый день. Новая жизнь для человека, которого он никогда не видел, но которому, возможно, спас жизнь.

Кузьмин посмотрел в зеркало заднего вида. Дорога была пуста. Только вдалеке мелькнули огни скорой, которая увозила Стаса в больницу. Он смотрел на эти огни, пока они не исчезли за поворотом. Потом перевёл взгляд на дорогу. На рассвет, который разгорался всё ярче.

— Счастливо, парень, — сказал он. — Живи.

Глава 6. Больница

Стас очнулся в больнице через три дня.

Он не помнил, как сюда попал. Не помнил, как его везли, как перекладывали на каталку, как ставили капельницы, как делали снимки. Не помнил лиц врачей, не помнил голосов медсестёр, не помнил, как ему вкололи обезболивающее, как зашивали раны, как накладывали гипс. Он помнил только темноту. Долгую, тяжёвую, липкую темноту, в которой не было ни звуков, ни образов, ни мыслей. Только темнота. И где-то очень далеко — голоса. Обрывки фраз. Чьи-то руки. А потом свет. Яркий, белый, режущий глаза.

Он открыл глаза. Белый потолок. Белые стены. Белая простыня. Запах лекарств, дезинфекции, чего-то ещё — больничного, чужого. Он попытался повернуть голову — шея не слушалась. Попытался пошевелить рукой — рука была тяжёлой, будто налитой свинцом. Он смотрел в потолок, пытался вспомнить, что случилось. В голове была пустота. И боль. Тупая, ноющая, пульсирующая. Боль была везде — в голове, в груди, в рёбрах, в каждой клетке тела. Он не мог понять, откуда она взялась. Не мог вспомнить, что с ним сделали.

Врачи сказали: черепно-мозговая, сотрясение, перелом двух рёбер, множественные гематомы. Могло быть хуже. Намного хуже. Ещё пара таких ударов — и всё. Ещё несколько минут — и не пришлось бы вызывать скорую. Ещё несколько километров — и патруль не успел бы. Стас слушал и не понимал. Он не помнил, как его били. Не помнил ударов, не помнил боли, не помнил страха. Помнил только машину. Чёрную, тёмную, душную. Помнил, как она ехала по ночной трассе, как за окном мелькали огни, как потом огни исчезли и вокруг стала только темнота. Помнил чужие руки, которые тащили его куда-то. Холодные, цепкие, безжалостные. Помнил, как он пытался кричать, но голоса не было. Помнил, как темнота сгущалась, становилась плотнее, тяжелее. А потом — свет. Яркий, слепящий, спасительный. Голос: «Помогите». И чьё-то лицо над собой. Чужое, незнакомое, но такое родное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.